

Содержание

Семь шагов к Сатане	5
Лик в бездне	215

Часы пробили восемь, когда я вышел из дверей клуба Первооткрывателей и остановился, глядя вниз вдоль Пятой авеню. Остановившись, я вновь со всей силой испытал то неприятное ощущение слежки, которое удивляло и тревожило меня последние две недели. Станный покалывающий холод где-то под кожей с той стороны, откуда следят; какое-то необычное чувство звенящего напряжения. Особая чувствительность, присущая людям, которые большую часть жизни провели в пустыне или джунглях. Возврат к какому-то примитивному шестому чувству: все дикари обладали им, пока не познакомились с напитками белых людей.

Беда в том, что я не мог локализовать это ощущение. Оно накатывалось на меня со всех сторон. Я осмотрел улицу. Три такси стояли у обочины рядом с клубом. Они не заняты, а их водители оживленно разговаривают друг с другом. Не видно никаких зевак. Два стремительных автомобильных потока двигались вверх и вниз по авеню. Я изучил окна противоположного здания. Ни следа наблюдателей.

И все же за мной внимательно следили. Я это знал.

Сознание это приходило ко мне за последние две недели в разных местах. Время от времени я чувствовал присутствие невидимых наблюдателей в музее, куда я пришел взглянуть на юнанийские нефриты: именно я дал возможность старому богачу Рокбилту поместить их здесь, что заметно усилило его репутацию филантропа; чувство это приходило ко мне в театре и во время верховой прогулки по

парку; в брокерской конторе, где я следил за тем, как деньги, принесенные мне нефритами, превращаются в ничто в игре, о которой я — приходится это признать — знал меньше чем ничего. Я чувствовал слежку на улицах, но этого следовало ожидать. Но я чувствовал ее и в клубе, а вот этого ожидать было нельзя, и это больше всего меня беспокоило.

Да, я находился под непрерывным наблюдением. Но почему?

Сегодня вечером я решил это узнать.

От прикосновения к плечу я подпрыгнул и сунул руку под пальто, где у меня висел пистолет. И тут же понял, как сильно загадка подействовала мне на нервы. Повернувшись, я чуть глуповато улыбнулся огромному Ларсу Торвальдсену, который всего несколько дней назад вернулся в Нью-Йорк после двухлетнего пребывания в Антарктиде.

— Нервничаешь, Джим? — спросил он. — В чем дело? Заложил за галстук?

— Ничего подобного, Ларс, — ответил я. — Думаю, просто слишком много города. Постоянный шум и движение. И слишком много людей, — добавил я с искренностью, о которой он и не подозревал.

— Боже! — воскликнул он. — А по мне, так это хорошо! Я этим объедаюсь — после двух лет одиночества. Но, наверно, через месяц-два буду испытывать то же самое. Я слышал, ты скоро снова в путь. Куда на этот раз? Обратно в Китай?

Я покачал головой. Не хотелось говорить Ларсу, что направление, в котором я двинусь, целиком определяется тем, что мне подвернется за время, пока я потрачу шестьдесят пять долларов в бумажнике и семь двадцатипятицентовиков и два десятицентовика в кармане.

— У тебя что, неприятности, Джим? — Он более внимательно посмотрел на меня. — Если есть, я был бы рад... помочь.

Я опять покачал головой. Все знали, что старый Рокбилт был необыкновенно щедр из-за этих дьявольских

нефритов. У меня своя гордость, и хотя меня потрясло мгновенное исчезновение золотого запаса, который я рассчитывал превратить в барьер перед любыми заботами на всю оставшуюся жизнь, чтобы быть независимым от любых случайностей, я все же не собирался рассказывать Ларсу о своей глупости. К тому же дела вовсе не так безнадёжны, и я не бездомный бродяга в Нью-Йорке. Что-нибудь подвернется.

— Подожди меня, — сказал он, когда кто-то окликнул его из клуба.

Но я не стал ждать. Ещё меньше, чем о своей неудачной игре, хотелось мне рассказывать ему о моих наблюдениях. Я пошел по улице.

Кто же следит за мной? И зачем? Кто-нибудь из Китая, идет за мной с той самой древней гробницы, где я добыл сокровища? Ки Ванг, конечно, разбойник, хотя и получил хорошее образование в Корнуэлле, не стал бы посылать за мной шпионов. Нашу — скажем так — сделку, хоть и необычную, он считал завершившейся, несмотря на свой проигрыш. Каким бы бесчестным он ни был в картах, это не тот человек, который нарушает свое слово. В этом я уверен. К тому же он не стал бы так долго медлить перед ударом. Нет, это не люди Ки Ванга.

Был также этот липовый арест в Париже, который должен был устранить меня на несколько часов; об этом свидетельствовало состояние комнаты и багажа, когда я вернулся. Вернулся, несомненно, намного раньше, чем предполагали воры, так как быстро раскрыл подлог; свое внезапное появление я, несмотря на болезненный ножевой порез, вспоминал с удовольствием: у одного из моих караульных была сломана шея, а у другого голова мало о чем сможет думать в ближайшие несколько месяцев. Была и вторая попытка: автомобиль, в котором я ехал на пароход, задержали между Парижем и Гавром. Попытка могла бы быть успешной, если бы броши с нефритами не были упакованы в багаж знакомого, который добирался к тому же пароходу на обычном поезде; кстати, он считал,

что везет старинную посуду; будто бы я не доверяю ее другим сопровождающим.

Принадлежат ли наблюдатели к той же банде? Они должны знать, что теперь нефриты не у меня, они в безопасности в музее. Я больше не представляю интереса для этих разочарованных господ, если, конечно, они не хотят отомстить. Но это никак не объясняет постоянное, вкрадчивое, терпеливое наблюдение. И почему они не ударили раньше? У них была для этого масса возможностей.

Что ж, кем бы ни были наблюдатели, я решил дать им возможность добраться до меня. Я заплатил по всем счетам. Шестидесят шесть долларов и девяносто пять центов в кармане составляли все мое земное богатство, но никаких долгов у меня не было. В какой бы неизвестный порт я ни направлялся с обломанным рангоутом и опустошенными палубами, за мной не оставалось невыполненных обещаний.

Да, я решил выманить врага, если это враг, из укрытия. Я даже выбрал место, где это должно произойти.

Во всем Нью-Йорке самое одинокое место в восемь часов октябрьского вечера, впрочем, как и любого другого, то, которое днем наиболеелюдно. Нижняя часть Бродвея, лишившаяся дневных орд, его каньоноподобные стены молчаливы, а пересекающие меньшие каньоны более пусты и тихи, чем их дикие собратья. Именно туда я собрался идти.

Когда я сворачивал на Пятую авеню от клуба Открывателей, мимо прошел человек, чья походка и осанка, фигура и одежда показались мне странно знакомыми.

Я остановился, глядя, как он неторопливо поднимается по ступеням клуба.

Затем, странно обеспокоенный, пошел дальше. Что-то необыкновенно знакомое, пугающее знакомое было в этом человеке. Что это? Направляясь к Бродвею, я продолжал ощущать присутствие наблюдателей.

Но, только дойдя до городской ратуши, понял, что мне показалось таким знакомым. Осознание это вызвало нечто вроде шока.

В походке и осанке, в фигуре и одежде — от легкого коричневого пальто и мягкой серой шляпы до крепкой малаккской трости — этот человек был — мной!

2

Я остановился. Естественней всего предположить, конечно, что сходство случайно; случайность крайне редкая, но все же случайность. В Нью-Йорке не менее пятидесяти человек, которых можно принять за меня — если не приглядываться. Но шансы на то, чтобы похожий на меня человек в данный момент был точно так же одет, почти равны нулю. Однако это возможно. Что еще можно предположить? Зачем кому-то сознательно копировать меня?

Но, с другой стороны, зачем кому-то наблюдать за мной?

Я остановился в нерешительности: не сесть ли в такси и не вернуться ли в клуб? Разум шептал мне, что видел я незнакомца лишь мгновение, что, возможно, меня обманула игра света и тени, что сходство — лишь иллюзия. Выругав свои натянутые нервы, я пошел дальше.

Миновав Кортленд-стрит, я стал встречать все меньше и меньше пешеходов. Церковь Святой Троицы напоминала деревенскую часовню. Молчаливые утесы зданий многочисленных контор окружили меня, я почувствовал удушающее давление: здания как будто спали и во сне раскачивались; их бесчисленные окна походили на ослепшие глаза. Но если они и были слепы, то другие глаза, ни на мгновение не отрывавшиеся от меня, вовсе не были слепы. Их взгляд становился более пристальным, более напряженным.

И вот уже никого вокруг. Ни полицейского, ни даже вахтера. Я знал, что вахтеры сидят внутри огромных каменных крепостей капитала. Я задерживался на углах, да-

вая наблюдателям возможность выйти, невидимому стать видимым. И по-прежнему не видел никого. И по-прежнему чьи-то взгляды не отрывались от меня.

С чувством некоторого разочарования я дошел до конца Бродвея и взглянул на Баттери-парк. Он был безлюден. Я подошел к стене гавани и сел на скамью. Паром, устремившийся к Стейтен-Айленд, напоминал большого золотистого водяного жука. Полная луна проливала поток дрожащего серебряного огня на волны. Было очень тихо — так тихо, что я слышал отдаленный звон колоколов Святой Троицы — прозвонили девять часов.

Я ничего не слышал, но неожиданно понял, что рядом со мной кто-то сидит. Приятный голос попросил прикурить. В огне спички, поднесенной к сигарете, я увидел смуглое аскетическое лицо, гладко выбритое, рот и глаза добрые, причем глаза слегка водянистые, как от напряженной работы. Рука, держащая спичку, длинная, стройная и хорошо ухоженная. Она производила впечатление необычной силы — рука хирурга или скульптора. Несомненно, профессионал, заключил я. Эту мысль подтверждали плащ-накидка и мягкая темная шляпа. Широкие плечи под плащом соответствовали впечатлению необычной физической силы.

— Прекрасная ночь, сэр. — Он отшвырнул спичку. — Ночь приключений. А за нами город, в котором возможны любые приключения.

Я посмотрел на него внимательнее. Странное замечание, особенно если учесть, что я, несомненно, вышел сегодня в поисках приключений. Но что, в конце концов, в этом странного? Может, во мне говорит преувеличенная подозрительность? Он не мог знать, что привело меня в это молчаливое место. Добрые глаза и лицо заставили немедленно отказаться от этой мысли. Какой-нибудь ученый, может быть благодарный парку за его тишину.

— Вон тот паром. — Он указал на гавань, очевидно не подозревая, что я его изучаю. — Сокровище потенциальных приключений. В нем молчащие Александры, безвест-

ные Цезари и Наполеоны, незавершенные Язоны — и каждый почти готов отвоевать золотое руно, — да, и несовершенство Елены и Клеопатры, и не хватает мелочи, чтобы завершить их и отправить завоевывать мир.

— Какое счастье для мира, что они не завершены, — рассмеялся я. — Сколько времени прошло бы до того, как все эти Цезари, Наполеоны и прочие вцепились бы друг другу в глотки и мир запылал в огне?

— Нисколько, — серьезно ответил он. — Нисколько, если бы они находились под контролем воли и интеллекта большего, чем сумма их воль и интеллектов. Мозг, более мощный, чем все они в совокупности, разум, планирующий за них, воля, более сильная, чем их воли, способная заставить их выполнить эти планы точно так, как их составил грандиозный мозг.

— В результате, сэр, — возразил я, — появятся не суперпираты, суперпреступники и суперкуртизанки, о которых вы говорили, а суперрабы.

— Меньше рабы, чем любые другие в истории, — ответил он. — Персонажи, которых я назвал в качестве типичных, всегда находились под контролем провидения — или Бога, если вы предпочитаете этот термин. Воля и интеллект, о которых я говорю, будут действовать эффективнее, они размещены в человеческом черепе благодаря ошибке слепой судьбы или Бога, который, разумеется, если он существует, должен наблюдать за множеством миров и у него нет возможности слишком внимательно следить за каждым индивидуумом, населяющим эти бесчисленные миры. Нет, мозг, о котором я говорю, будет использовать таланты своих слуг наиболее полно и не тратить их зря. Он будет достойно и справедливо награждать их, а когда наказать — наказание будет справедливым. Он не будет рассеивать тысячи семян по воле случая, так что лишь немногие найдут плодородную почву и прорастут. Он будет отбирать немногих, подбирать им почву и следить, чтобы ничто не мешало им расти.

— Такой мозг был бы больше судьбы или, если вы предпочитаете этот термин, Бога, — сказал я. — Повторяю: это кажется мне сверххрабством. Как хорошо для мира, что такой мозг не существует!

— Да, — он задумчиво затянулся, — но, видите ли, он существует.

— Неужели? — Я пытался сообразить, не шутит ли он. — И где же?

— Это вы скоро узнаете... мистер Киркхем, — холодно ответил он.

— Вы меня знаете! — На какое-то мгновение я подумал, что ослышался.

— Очень хорошо, — ответил он. — И тот мозг, в чьем существовании вы сомневаетесь, знает о вас — все, что необходимо знать. Он призывает вас. Идемте, Киркхем, пора!

Вот оно что! Итак, я встретил того, кого искал. Они — кем бы они ни были — наконец выступили в открытую.

— Минутку. — Я чувствовал, как при звуках этого высокомерного голоса, который только что казался мне таким вежливым, во мне просыпается гнев. — Кем или чем бы ни был пославший вас, ни он, ни вы не знаете меня так, как думаете. Позвольте сказать вам, что я не иду никуда, если не знаю, куда иду, и встречаюсь лишь с теми, с кем хочу. Скажите, куда вы хотите меня отвести, к кому и зачем. Тогда я решу, ответить ли мне на то, что вы назвали... гм... призывом.

Он спокойно слушал. И вдруг рука его взметнулась и перехватила мое запястье. Я встречался со многими сильными людьми, но такого не встречал. Трость выпала из моей парализованной руки.

— Вам уже сказано все, что необходимо, — холодно ответил он. — Вы идете со мной — немедленно!

Он освободил мою руку, и я, дрожа от гнева, вскочил на ноги.

— Будьте вы прокляты! — воскликнул я. — Я иду, куда хочу и когда хочу... — И наклонился, чтобы поднять трость.

В то же мгновение он обхватил меня руками.

— Вы пойдете туда, куда хочет пославший меня, и тогда, когда он этого хочет, — прошептал мой собеседник.

Я чувствовал, как его руки обшаривают меня. И не мог освободиться, как будто был котенком. Он нашел маленький автоматический пистолет у меня под левой рукой и вытащил его из кобуры. Так же быстро, как схватил, он освободил меня и сделал шаг назад.

— Идем! — приказал он.

Я стоял, глядя на него и обдумывая ситуацию. Никто и никогда не имел возможности усомниться в моей храбрости, но, на мой взгляд, храбрость не имеет ничего общего с безрассудством. Храбрость означает холодное взвешивание всех особенностей чрезвычайного происшествия, определения того, сколько времени в вашем распоряжении, и затем действия в избранном направлении с использованием всех резервов мозга, нервов и мышц. У меня не было ни малейшего сомнения, что у загадочного посыльного поблизости скрывается множество помощников. Если я брошусь на него, что мне это даст? У меня только трость. А у него мой пистолет и, вероятно, собственное оружие. Как бы я ни был силен, он показал мне, что моя сила ничто в сравнении с его. Возможно, он даже рассчитывает на мое нападение, надеется на него.

Разумеется, я могу позвать на помощь или убежать. Оба эти выхода казались мне не только нелепыми, но и — учитывая возможных сообщников — бесполезными.

Недалеко находятся станция подземки и оживленная улица. Там, в ярком свете, я буду в сравнительной безопасности — если смогу туда добраться. Я пошел через парк к Уайтхолл-стрит.

К моему удивлению, незнакомец не возразил, вообще ничего не сказал. Он спокойно шел рядом со мной. Вскоре мы вышли из Баттери, невидалье виднелись огни станции «Боулинг-Грин». Негодование и гнев мои рассеялись, их место заняла заинтересованность. Абсурдно предполагать, что кого-нибудь в Нью-Йорке можно заставить идти ку-

да-то против его воли, когда рядом множество людей и полиция. Немыслимо быть похищенным вблизи станции метро, а если мы попадем в метро, то вообще невероятно. Почему же мой компаньон так спокойно идет рядом, с каждым шагом приближаясь к месту, где моя позиция становится неприступной?

Ведь несколько минут назад так легко было захватить меня. Или почему нельзя было подойти ко мне в клубе? Существует множество возможностей выманить меня отсюда.

Есть, по-видимому, только один ответ. Им нужна полная тайна. Схватка в парке могла привлечь внимание полиции. Попытка в клубе могла привести к появлению очевидцев происшествия. Насколько все эти рассуждения не соответствовали действительности, мне скоро предстояло узнать.

Когда мы подошли к входу на станцию «Боулинг-Грин», я увидел стоящего полицейского. Без стыда признаюсь, его вид согрел мое сердце.

— Послушайте, — сказал я своему спутнику. — Вон полицейский. Суньте пистолет мне в карман. Оставьте меня и идите своей дорогой. Если вы это сделаете, я ничего не скажу. Если не сделаете, я попрошу полисмента задержать вас. К вам применят закон Салливена, а может, и еще кое-что. Уходите незаметно и, если хотите, свяжитесь со мной в клубе Открывателей. Я все забуду, и мы поговорим. Но больше не пытайтесь действовать силой, не то я выйду из себя.

Он улыбнулся мне, как ребенку, лицо и глаза снова — сама доброта. Но не ушел. Наоборот, крепко взял меня за руку и повел прямо к полицейскому. И когда мы уже были на расстоянии слышимости, заговорил громко:

— Ну, достаточно, Генри. Вы побегали немного. Я уверен, вы не хотите доставлять этому занятому полисмену новые заботы. Давайте, Генри! Будьте разумны!

Полицейский сделал шаг вперед, оглядывая нас с ног до головы. Я не знал, смеяться мне или снова сердиться.

Прежде чем я смог сказать слово, человек в накидке протянул полицейскому свою карточку. Тот прочел ее, с уважением коснулся своей фуражки и спросил:

— А в чем дело, доктор?

— Простите за беспокойство, — ответил мой удивительный компаньон. — Но я попрошу вас немного помочь мне. Наш юный друг — один из моих пациентов. Он летчик, военная травма. Повредил голову в крушении во Франции и теперь считает себя Джеймсом Киркхемом, исследователем. На самом деле его зовут Генри Уолтон.

Полицейский с сомнением взглянул на меня. Я улыбнулся, уверенный в своей безопасности.

— Продолжайте, — сказал я. — Что еще я думаю?

— Вообще-то он не опасен, — незнакомец добродушно потрепал меня по плечу, — но время от времени умудряется ускользнуть от нас. Да, безвреден, но весьма изобретателен. Весь вечер убегал от нас. Я разослал своих людей на поиски. И сам нашел его в парке. В таких случаях он считает, что ему угрожает похищение. Будьте добры, выслушайте его и заверьте, что подобные вещи невозможны в Нью-Йорке. Или, если и возможны, похитители не посвящают в свои планы нью-йоркских полицейских, как я.

Я почти восхищался ловкостью его выдумки, юмористической, но терпеливой и вполне профессиональной манерой рассказа. Считая себя в безопасности, я мог позволить себе рассмеяться.

— Совершенно верно, — сказал я. — Но так уж случилось, что меня действительно зовут Джеймс Киркхем. Я никогда не слышал ни о каком Генри Уолтоне. И никогда до сегодняшнего вечера не встречал этого человека. У меня есть все основания считать, что он пытается заставить меня идти туда, куда я не собираюсь.

— Видите! — Мой компаньон многозначительно кивнул полицейскому, который, не отвечая на мою улыбку, смотрел на меня с раздражающей жалостью.

— Не волнуйтесь, — сказал он мне. — Как говорит добрый доктор, похитители не обращаются к полицейским за помощью. Вас не могут похитить в Нью-Йорке, во всяком случае, не так. Идите с доктором и больше не волнуйтесь.

Пора кончать эту абсурдную историю. Я сунул руку в карман, вытащил бумажник и достал оттуда свою карточку. Добавив к ней одно-два письма, я протянул их полисмену.

— Может быть, эти свидетельства заставят вас взглянуть по-другому, — сказал я.

Он взял их, внимательно прочел и с жалостью вернул мне.

— Конечно, парень. — Тон его был успокаивающим. — Никакой опасности нет, говорю вам. Остановить вам такси, доктор?

Я с изумлением посмотрел на него, потом на карточку и конверты, которые он вернул мне. И не веря себе, прочел на них одно и то же.

На карточке было имя «Генри Уолтон», и каждый конверт был адресован тому же джентльмену, «находящемуся под присмотром доктора Майкла Консардайна» по адресу, в котором я узнал район самых высокооплачиваемых нью-йоркских специалистов. Да и бумажник, который я держал в руке, был не тем, с каким я начал вечернюю прогулку не более часа назад.

Я расстегнул пальто и поискал этикетку портного, на которой должно быть мое имя. Никакой этикетки не было.

Неожиданно чувство безопасности меня покинуло. Я начал понимать, что в конце концов возможно заставить меня идти туда, куда я не хочу. Даже на станции нью-йоркской подземки.

— Послушайте, — сказал я, и в голосе моем больше не было смеха, — вы допускаете большую ошибку. Я встретил этого человека несколько минут назад в Баттери-парке. Он настаивал, чтобы я шел с ним, а куда, не говорил, и встретился с человеком, имя которого не назвал. Когда

я отказался, он силой обыскал меня, отобрал оружие. Во время этой борьбы, как мне теперь ясно, он подменил мой бумажник другим, в котором карточка и письма с именем Генри Уолтона вместо моего. Я требую, чтобы вы обыскали его и нашли мой бумажник, далее требую — найдете вы или нет — отвести нас с ним в отделение.

Полицейский с сомнением смотрел на меня. Моя искренность и очевидное здравомыслие поразили его. Ни моя внешность, ни манеры не говорили о расстроенном рассудке. С другой стороны, ласковое лицо, добрый взгляд, бросающиеся в глаза воспитанность и профессионализм человека из Баттери совсем не походили в глазах полицейского на качества похитителя.

— Я совершенно не против допроса в отделении, даже не против обыска там, — сказал человек в плаще-накидке. — Но предупреждаю вас, что возбуждение пагубно скажется на состоянии моего пациента. Впрочем... вызывайте такси...

— НЕ такси, — сказал я твердо. — Мы поедем в полицейской машине, в сопровождении полицейских.

— Минутку. — Лицо полицейского прояснилось. — Вон идет сержант. Он решит, что делать.

Подошел сержант.

— В чем дело, Муни? — спросил он, оглядывая нас. Муни кратко обрисовал ситуацию. Сержант еще раз, более внимательно осмотрел нас. Я улыбнулся ему весело.

— Все, что я хочу, — сказал я, — чтобы нас отвели в отделение. В патрульной машине. Никакого такси, доктор... как вас там? О, да, доктор Консардайн. Патрульная машина, в ней несколько полицейских и доктор Консардайн рядом со мной — вот все, чего я хочу.

— Хорошо, сержант, — терпеливо сказал доктор Консардайн. — Я согласен идти. Но, как я уже предупредил полицейского Муни, это означает задержку и возбуждение, и вы должны будете нести ответственность за их воздействие на моего пациента; в конце концов, его здоро-

вье — моя главная забота. Я сказал, что он не опасен, но сегодня я отобрал у него — вот это.

И он протянул сержанту автоматический пистолет.

— Под его левой рукой вы найдете кобуру, — сказал Консардайн. — Откровенно говоря, я считаю, что его нужно как можно быстрее доставить ко мне в больницу.

Сержант подошел ко мне и, отведя пальто, пощупал под левой рукой. По его лицу, когда он нашупал кобуру, я понял, что этот раунд выиграл Консардайн.

— У меня есть разрешение на оружие, — резко сказал я.

— Где оно? — спросил он.

— В бумажнике, который этот человек отобрал вместе с пистолетом, — ответил я. — Если вы его обыщите, найдете.

— О, бедный мальчик! Бедный мальчик! — пробормотал Консардайн. И таким искренним было его огорчение, что я сам чуть не почувствовал жалость к себе. Он снова заговорил с сержантом.

— Возможно, мы решим вопрос без риска поездки в отделение. Как вам уже сказал Муни, расстройство сознания моего пациента заключается в том, что он считает себя неким Джеймсом Киркхемом, живущим в клубе Первооткрывателей. Может быть, подлинный мистер Киркхем в данный момент как раз там. Позвоните в клуб Первооткрывателей и попросите его. Если мистер Киркхем там, я думаю, это закончит дело. Если нет, поедem в отделение.

Сержант посмотрел на меня, а я, пораженный, на Консардайна. — Если вы сможете поговорить с Джеймсом Киркхемом в клубе Первооткрывателей, — сказал я наконец, — то я Генри Уолтон.

Мы подошли к телефонной будке. Я дал сержанту номер клуба.

— Спросите Роберта, — добавил я. — Он сегодня портье.

За несколько минут до ухода я говорил с Робертом. Он и сейчас должен дежурить.